

Глава двенадцатая

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ЧИГОРИН

Род Чигориных тесно связан с Охтенским пороховым заводом. Уже дед М. И. Чигорина, солдат александровских времен, был определен на службу на этот завод. Он сумел дать своему сыну Ивану (родился в 1817 году) довольно сносное образование. Иван Иванович Чигорин был принят в пиротехническую школу при Охтенском пороховом заводе, которую окончил весьма успешно в 1837 году. Как это видно из его формулярного списка, „в службу вступил по окончании курса пиротехнической школы, мастером порохового дела 1-го разряда в Охтенский пороховой завод, с оставлением в той школе репетитором“³²².

Через 6 лет отца М. И. Чигорина произвели в старшие мастера. Он заведывал производством пороховых, селитренных и серных работ, должен был вести материальные пороховые книги и имел в своем распоряжении все пороховые машины, приборы и материалы. В 1852 году И. И. Чигорин был произведен в „унтер-цейхвартеры“. Теперь он ведал провиантским магазином и отпуском казенных дров. Жалованья ему в это время причиталось 224 р. 25 к. в год и 85 р. 76 к. квартирных. В 1853 году на него было возложено заведывание школой Охтенского порохового завода, а в 1854 году Чигорин-отец получил назначение на должность помощника бухгалтера.

С новыми обязанностями И. И. Чигорин также успешно справился, и начальник завода генерал-майор Фадеев 12 апреля 1856 г. рапортовал инспектору пороховых заводов:

„Ныне, приняв во внимание, что основательные познания титулярного советника Чигорина, приобретенные

им в школе и на практике в 10-летнюю бытность его старшим пороховым мастером, способствуют делопроизводству, как по письменной, так и счетной, а в особенности технической частям, в чем я убедился на самом деле... предписано мною титулярному советнику Чигорину... принять все дела по канцелярии и вступить вполне в управление канцеляриею“³²³.

В результате этого рапорта 16 мая того же 1856 года приказом инспектора И. И. Чигорин был назначен с 1 апреля правителем канцелярии Охтенского порохового завода,

К этому времени Чигорин был уже вдовцом с двумя сыновьями: Петром, родившимся 7 июня 1839 г., и Михаилом, будущим гениальным русским шахматистом, родившимся 31 октября 1850 г.

Мать Чигорина, Наталья Егоровна (1822—1856) происходила из приезжих крестьянок, приписавшихся к мещанскому сословию подгородней Малой Охты³²⁴.

И. И. Чигорин умер в должности правителя канцелярии в 1859 г. Малолетнего Мишу, оставшегося круглым сиротой, забрала его тетка (по отцу) Фекла Ивановна, которая принялась хлопотать об определении своего племянника в Гатчинский сиротский институт. В этих хлопотах ей, повидимому, помогла администрация завода; во всяком случае вскоре последовало стандартное постановление „СПБ Опекунского Совета“.

„Оставшегося в круглом сиротстве, сына титулярного советника, Чигорина Михаила, зачислить в кандидатский список по Гатчинскому Николаевскому Сиротскому Институту для преимущественного поступления в сие заведение, по достижении очереди“³²⁵.

Эта была трафаретная форма в отношении приема круглых сирот в Институт на казенное содержание. Сразу свободных вакансий не оказалось (кроме Чигорина было еще 14 кандидатов), но прошло три месяца, и, наконец, девятилетний Михаил Чигорин — „назначен к принятию в Гатчинский Н. С. И. по журналу 30 июля 1859 года и документы о нем отосланы в контору института“. Зачислили его в школу малолетних детей.

Гатчинский сиротский институт был закрытым средним учебным заведением, предназначавшимся для воспитания „сыновей обер-офицеров и гражданских чиновников, до IX класса включительно“. В те годы этот

Институт являлся специальным училищем для подготовки низших кадров чиновников в разные министерства. Таким образом, Чигорина готовили к карьере чиновника.

По бездушности и жестокости воспитания, царивших в стенах этого „учебного заведения“, с ним могла конкурировать только знаменитая бурса, увековеченная Помяловским в его „Очерках бурсы“. Система издевательства, унижения человеческого достоинства, шпионажа, жестоких экзекуций до полной потери сознания — такова далеко не полная картина „воспитания“ сиротских детей. Наиболее строптивых по достижении 16-летнего возраста отправляли на военную службу.

Директором Института состоял в то время Доливо-Добровольский. Память об его „управлении“ осталась у воспитанников на всю жизнь. Один из питомцев Института пишет в своих воспоминаниях: „Это был строгий до педантизма начальник. Когда он появлялся в Институте, трепет пробегал по всему зданию, начиная со сторожей и кончая учителями. Все прихорашивалось, застегивалось на все пуговицы, вытягивалось в струнку. Он был довольно жесток по отношению к воспитанникам, огромные связи в дворцовом мире давали ему возможность чувствовать себя на недостигаемой высоте... Александр II был крестным отцом одного из детей Доливо-Добровольского ³²⁶“.

Директор особенно ценил воспитателя Игнациуса, бесчеловечного садиста, который донимал воспитанников на каждом шагу. Система „воспитания“ довела, наконец, несчастных институтских питомцев до открытого возмущения. Архивные материалы довольно подробно освещают эти „беспорядки по Гатчинскому институту“, которые не на шутку обеспокоили даже царских придворных.

Педагогическим советом была избрана комиссия, которая начала дознание. Материалы комиссии, которые, разумеется, предназначались не для печати, вскрыли чудовищную картину „воспитательных“ приемов, культивируемых в стенах Института ³²⁷.

Были допрошены ученики. Они категорически отказались отвечать, если их будут допрашивать поодиночке, и добились разрешения выбрать 10 депутатов, в присутствии которых производился допрос каждого ученика в отдельности.

Ход событий развертывался следующим образом. 19 февраля 1868 года ученики не повиновались Игнациусу, игнорируя его запрещение стоять на крыльце. Они предъявили ему ряд претензий, которые Игнациус отказался принять. 20 февраля был арестован воспитанник Власов — за то, что не поцеловал руку у священника, когда подходил к кресту. Волнение среди учеников еще более усилилось. В 11 часов перед завтраком они послали за директором. Переговоры не дали никаких результатов, так как ученики не хотели говорить в присутствии Игнациуса. В 5 часов они явились в контору, чтобы просить об освобождении Власова, а также принести жалобы на Игнациуса. Первоначально директор обещал сделать все возможное, пожимал им руки и обещал, что имена жалующихся останутся втайне. Это была обычная провокационная тактика Доливо-Добровольского. Он, конечно, и не пытался ничего сделать и на другой же день стал угрожать, что неповинующихся отдаст в солдаты. Тогда, 22 февраля, ученики снова пришли к директору, на этот раз на квартиру, требуя улучшения их положения. Они потушили лампу, чтобы не видно было их лиц. Испуганный директор послал за писарем, после чего ученики разбежались. В цитированных нами выше воспоминаниях говорится о том, что якобы ученики избили директора до потери сознания³²⁸.

Причина беспорядков, по официальным данным комиссии педагогического совета, заключалась в следующем:

1) Недоброкачественность и недостаточность пищи. Хлеб кислый, затхлый, с песком, говядина жесткая, суп и каша с песком, масло горькое. При заявлении о недоброкачественности пищи обычно следовала издевательская реплика: „А вы за то платили собственные деньги?“.

2) Система карцеров. Обыкновенный карцер представлял камеру в 2 аршина и несколько вершков в длину, так что рослый ученик не мог вытянуться во весь рост, в ширину — $1\frac{1}{2}$ аршина. Тусклое освещение, сквозняки. В камере один табурет, старое пальто, пропитанное мочою, и ночной сосуд. Секретный карцер был еще меньше и совсем без света. Пища состояла из хлеба и воды или жидкого супа с хлебом. Естественно, что всевозможные заболевания (в особенности туберкулез и воспаление легких) были частыми спутниками воспитанников.

3) Жестокость директора. Он бил палкой, драл за уши, грозил, что „вгонит в чахотку“ за то, что волосы плохо причесаны или боком поклонился. По его приказанию давали в качестве наказания слабительное в течение 3-х дней и добавочную порцию „директорских“ розог.

4) Жестокость воспитателей. Злейшим врагом учеников был Игнациус, придирчивый до мелочности. Он обычно говорил, что „его воля есть закон для воспитанников“, что у них „прав никаких нет“. Чувствуя себя, с благословения директора, полным хозяином, он цинично заявлял ученикам: „Воспитанник, физиономия которого мне не нравится, непременно будет удален из заведения“.

В Гатчинском институте в качестве педагогической меры воздействия на детские шалости широко применялись карцер (на срок нередко до трех месяцев) и розги. „Всеобщая порка всегда происходила по субботам. Все, кто совершил за неделю „тяжкие“ преступления, в этот день получали свою мзду. В числе детей были и такие, которых пороли аккуратно каждую неделю. Порка применялась как лекарственное средство, например, к отверженцам института, детям, страдавшим болезнью, которая нередка в детском возрасте“³²⁹.

Мы сознательно так подробно остановились на системе „воспитания“, царившей в Гатчинском институте, чтобы показать, в какой обстановке проходили годы детства и юности М. И. Чигорина. Едва ли можно поставить ему в вину, что он плохо учился, по несколько лет оставался в одном классе и только в 1867 году дошел до пятого класса. Развращающие приемы „воспитательного“ воздействия не могли пройти бесследно. Его товарищи пили, курили, играли в карты. По показаниям того же воспитателя Игнациуса, Чигорин однажды тоже был пойман за игрою в карты³³⁰.

Вместе с другими воспитанниками старших классов, Чигорин также был вовлечен в водоворот событий, которые, как и следовало ожидать, окончились для них плачевно. Новая комиссия, созданная главноуправляющим IV отделения „собственной е. и. в. канцелярии“, принцем Ольденбургским, довольно просто решила вопрос. Ученики „бунтуют“, — значит, их надо удалить. Недаром одному из воспитанников устами Игнациуса была сказана многозначительная фраза: „Вы—Каракозов, у вас каракозовские убеждения“.

Хотя воспитанники отвечали дружно, что „коноводов у них не было“, что „все они действовали единодушно“, новая комиссия без особых трудов „обнаружила виновников“, в числе которых оказался и Чигорин. „Почетный опекун“ Гатчинского института генерал-лейтенант граф Н. М. Ламсдорф специальным отношением от 29 февраля доносил принцу Ольденбургскому: „Имею честь довести до сведения вашего императорского высочества, что порядок в Гатчинском Николаевском Сиротском Институте восстановлен. — Девять воспитанников, по сделанному мною внушению, явились ко мне с повинною головою, я арестовал их и делаю распоряжение об удалении этих воспитанников из Института“³³¹.

На этом кончились школьные годы Чигорина. „Опекунский Совет журналом 1 марта 1868 года разрешил почетному опекуну, управляющему Гатчинским Н. С. Институтом уволить некоторых воспитанников из участвовавших в бывших в Институте беспорядках, с правами, изложенными в § 83 устава того Института с выдачею сим воспитанникам на экипировку по 60 рублей“³³². Фактическое увольнение Чигорина несколько задержалось, — повидимому, за него хлопотали, но неудачно, так как в деле о выпуске и увольнении воспитанников из Института от 1868 года имеется выписка: „Михаила Чигорина уволить из Гатчинского Института 2 августа 1868 г.“³³³.

С шахматами Чигорина познакомил воспитатель Института А. А. Шуман³³⁴. По свидетельству воспитанников, шахматная игра была в Институте очень популярна.

„Ее насадил преподаватель немецкого языка Шульц (Шуман? — М. К.). Увидит, бывало, воспитанника в перемену и подзовет к себе:

„— Ты что делаешь? Иди-ка, иди сюда.

„И, словно по щучьему веленью, появлялась шахматная доска, и ученик и учитель старались обыграть друг друга. У этого Шульца делал свои первые шаги известный шахматист Михаил Чигорин“³³⁵.

Совершенствование Чигорина шло весьма быстрым темпом, и вскоре он мог уже давать своему учителю ладью вперед. Однако, все эти соревнования носили домашний характер и не могли подготовить Чигорина к серьезной шахматной практике.

И вот 18-летний Чигорин опять в Петербурге, на Пороховых, в доме своей тетушки, Феклы Ивановны.

Начинаются долгие безрезультатные поиски службы. Исключенному из Института, с четырехклассным образованием, устроиться было не так легко. Изыскивать эту возможность ему пришлось целых три года. Из формулярного списка мы узнаем, что Чигорин „согласно про-



М. И. ЧИГОРИН В ЮНОСТИ
Печатается впервые

шению и указу С.-Петербургского губернатора от 29 августа 1871 года за № 5221 определен исправляющим должность столоначальника управления С.-Петербургской уездной и пригородной полиции, считая службу с 1/IX-1871 года“³³⁶. Точно трудно установить, до ка-

кого года продолжалась эта его служба. Во всяком случае в апреле 1876 года — время составления его формулярного списка — он еще числился состоящим на службе. В дальнейшие годы Чигорин служил в губернском правлении, где пробыл, повидимому, до 1881 года, и ушел в отставку в скромном чине губернского секретаря³³⁷.

Чигорин основательно забыл уже было о своих институтских шахматных увлечениях, но узнав — совершенно случайно — о кафе „Доминик“, снова втянулся в игру и стал частым посетителем этого популярного сборища петербургских шахматистов. Здесь Чигорин встретился с Шифферсом, который к этому времени приобрел заслуженную известность в петербургских шахматных кругах. Первоначально Чигорин получал от Шифферса коня вперед; однако, через несколько месяцев такая „фора“ оказалась слишком большой, и Чигорин стал получать только пешку и два хода. Заметно прогрессируя, он начал все больше и больше выделяться из среды петербургских шахматистов, и в декабре—феврале 1874/75 гг. впервые принял участие в турнире. Это был гандикаптурнир; как шахматист второй категории Чигорин получал пешку и ход от Шумова, Шифферса и немногих других шахматистов первой категории. Сыграв весьма успешно, Чигорин встал на третье место, непосредственно за Шумовым и Шифферсом. Шумов, обычно критически и подозрительно относившийся к молодым шахматистам, отметил во „Всемирной Иллюстрации“ удачный дебют Чигорина.

В дальнейшем Чигорин стал принимать участие во всех турнирах уже как шахматист первой категории, нередко занимая при этом первое место. Большое значение для шахматной карьеры Чигорина имел приезд в Петербург зимой 1875 года С. А. Винавера, уже приобревшего к тому времени известность в европейских шахматных кругах. В течение двухмесячного пребывания Винавера в Петербурге Чигорину удалось сыграть с ним несколько серьезных партий (в турнире и в индивидуальном порядке), и хотя перевес был на стороне варшавского мастера, однако, игра молодого шахматиста произвела на Винавера весьма выгодное впечатление. Через несколько лет он стал уговаривать Чигорина принять участие в международном турнире и выражал уверенность, что Чигорин может рассчитывать на определенный успех.

Чигорин все чаще и чаще стал подумывать о том, чтобы стать шахматистом-профессионалом. Сразу порвать со службой, обеспечивающей ему скромный 50-рублевый заработок, он не решался, однако, задумал приступить к изданию шахматного журнала.

23 апреля 1876 года Чигорин обратился в Главное управление по делам печати за разрешением на издание журнала „Шахматный Листок“. Через 1½ месяца начальник Главного управления по делам печати известил министерство внутренних дел: „В виду специального назначения издания и неимения препятствия к разрешению оно со стороны III отделения собственной е. и. в. канцелярии, я полагал бы возможным удовлетворить вышеизложенное ходатайство просителя“³³⁸. 18 июня Чигорин получает на руки свидетельство о разрешении. Уже с первых же шагов в этом новом начинании ему пришлось преодолеть большие трудности, главным образом, материального характера. В октябре месяце он вынужден был поставить вопрос об увеличении годовой платы до 6 р. (вместо первоначально объявленных пяти). Однако, и это мероприятие мало помогло. Успех издания зависел всецело от числа подписчиков, а количество последних не превышало трехсот. Несмотря на все трудности, Чигорину все же удалось в сентябре 1876 года выпустить №1 „Шахматного Листка“. Продолжая далее издание журнала, он все время выносил его исключительно на своих плечах. И можно только удивляться энергии Чигорина, если при крайне ограниченных материальных средствах и небольшом числе подписчиков, не окупавшем не только труда редактора-издателя, но и расходов по изданию, ему удалось довести „Шахматный Листок“ до 1881 года, когда, на пятом году своего существования, журнал все же закрылся³³⁹.

Одновременно с выпуском журнала Чигорин продолжал практически совершенствоваться и приобрел известность уже не только в Петербурге, но и в Москве и провинции. Некогда знаменитый, считавший себя лучшим шахматистом России Шумов заметно избегал встреч с Чигоринным, тем самым молчаливо признавая его превосходство над собой. В начале 1878 года состоялся матч между Чигоринным и другим наиболее опасным противником — Шифферсом. Матч этот окончился в пользу Чигорина со счетом +7—3.

В 1878 году имя Чигорина как сильного шахматиста

уже стало известно за границей. Очевидно по совету М. С. Бескровного, русского шахматиста, с успехом подвизавшегося в парижских шахматных кругах, Чигорин был приглашен на международный турнир в Париж, но в силу личных обстоятельств был вынужден отказаться.

Таким образом, еще до выступления Чигорина в международном турнире за ним окончательно упрочилась репутация первоклассного русского шахматиста, подтвержденная затем его выступлением в матчах против С. З. Алапина в 1880 году (+7—3) и против московского шахматиста Е. А. Шмидта, у которого Чигорин в 1879 году выиграл шесть партий и только в двух допустил ничью ³⁴⁰.

В декабре 1878 года был организован в Петербурге турнир, выходящий из рамок местного, так как в нем приняли участие не только лучшие петербургские шахматисты, но и два сильнейших московских шахматиста— А. В. Соловцов и Е. А. Шмидт ³⁴¹. Чигорин разделил с Алапиным первое-второе места и после выигрыша решительной партии получил первый приз.

Все эти успехи Чигорина и его горячая любовь к шахматам предрешили его дальнейший жизненный путь. Приблизительно в 1881 году, как было указано выше, он уходит в отставку, чтобы всецело отдаться шахматной игре. Чигорин становится шахматистом-профессионалом, — карьера, довольно необычная для России 80-х годов. Он с энтузиазмом берется за организацию шахматного кружка — участвует в гандикапных турнирах, дает сеансы одновременной игры, очень часто даже не глядя на доску. Материально как будто бы дела его поправляются, чему способствовала широко принятая тогда система игры на ставку. Чигорин стал пользоваться большим авторитетом. Ему начинают покровительствовать богатые меценаты и настойчиво предлагают принять участие в международных турнирах, чтобы показать силу „русского шахматного искусства“.

В иностранной шахматной прессе все чаще и чаще стало упоминаться имя Чигорина, и о нем писали как о несомненно крупном шахматном таланте. Участие его в международных турнирах признавалось весьма желательным.

Чигорин вспомнил высказанное несколько лет тому назад мнение Винавера. Именно по его совету он принял

участие в турнире, устроенном II конгрессом Германского шахматного союза в Берлине (1881 год), и разделил с Винавером третий-четвертый призы, позади Блекберна и Цукерторта, но впереди Мэзена, Виттека, Минквица, Шварца, Л. Паульсена и др.

Годом первого выступления Чигорина в международном турнире начинается новый период в истории шахматного движения в России — период, так сказать, „международных связей“. В самом деле, до Чигорина из числа русских шахматистов в международных турнирах участвовали только Кизерицкий, Винавер, Розенталь. Но какое значение для развития русского шахматного искусства имели их выступления? Балтийский мастер Кизерицкий в 1840 году переехал на постоянное жительство из Дерпта в Париж. Винавер участвовал в парижском турнире в 1867 году как представитель Варшавы, а с 1875 года на долгое время поселился в Берлине. Точно также Розенталь, бежавший после польского восстания 1861—63 гг. в Париж, выступал в международных турнирах как „Розенталь из Парижа“. Связь этих трех шахматистов с русским шахматным движением была крайне незначительной³⁴². Поэтому, именно 1881 год — год первого выступления Чигорина за границей — следует считать исходной датой, начиная с которой русское шахматное движение действительно включается в орбиту международной шахматной жизни.

Второе выступление Чигорина в международном турнире, — в Вене в 1882 г., — не принесло ему успеха: хотя по составу венский турнир был не намного сильнее берлинского, Чигорин занял только 13-е место. Малый опыт в турнирной борьбе сказался особенно сильно на длинной дистанции (18 участников по 2 партии).

В 1883 году Чигорин принял участие в международном турнире в Лондоне, который выделялся сильным составом участников. Он добился в этом турнире 4-го приза, позади Цукерторта, Стейница и Блекберна, но впереди Эглиша, Мэкензи, Мэзона, Розенталя, Винавера и др. Игра Чигорина произвела очень благоприятное впечатление. Недаром редактор турнирного сборника Минчин отмечал: „Чигорин может рассчитывать на великую шахматную будущность. У него нет еще опытности Цукерторта и Стейница, но в нем живет энергия, без которой немислим хороший игрок“³⁴³. Таким образом, за два года международных выступле-

ний Чигорин уже заставил говорить о себе. В первую очередь всеобщие симпатии привлекало качество его партий, отличавшихся агрессивной игрой, стремлением к выигрышу во что бы то ни стало и уклонением от ничейных позиций (что часто являлось помехой его спортивным успехам).

Статистические данные прекрасно иллюстрируют этот характер игры Чигорина. В берлинском турнире он только одну партию свел в ничью (из 16), в Вене из 34 партий окончились в ничью только две, а в лондонском турнире из 33 сыгранных им партий в ничью окончилось семь, причем после предусмотренного правилами, принятыми в этом турнире, переигрывания все переигранные Чигориным партии окончились результативно. И в дальнейших турнирах число ничьих у Чигорина было самое минимальное. В этом отношении очень характерно замечание редактора уже цитированного нами сборника лондонского турнира: „В продолжении всего турнира Чигорин стремился к выигрышу, пренебрегая ничьими, и, к счастью, достиг заслуженной победы“³⁴⁴.

Успехи Чигорина в международных турнирах (кроме того, в 1883 году в Париже Чигорин выиграл матч у знаменитого современника Морфи Арну-де-Ривьера; $+5 - 4 = 1$) выдвинули его как крупнейшую величину в шахматном мире.

Чигорин вернулся в Россию как „национальный герой“. Авторитет его неизменно рос, в особенности, когда он обеспечил блестящую победу в матче по телеграфу Лондон — Петербург (1886—1887 гг.).

Матч этот проектировался Петербургским обществом любителей шахматной игры во главе с Чигориным еще с осени 1884 года, но долгое время находился в стадии частных переговоров. В ноябре 1885 года Общество официально обратилось к почетному секретарю Британского шахматного союза Л. Гофферу с предложением организовать матч с каким-нибудь лондонским шахматным клубом. Матч начался в ноябре 1886 года на ставку в 40 фунтов стерлингов (Петербург предлагал вдвое более высокую ставку — в 2000 франков) и закончился в конце 1887 года. Он состоял из двух партий, разыгрывавшихся одновременно. В комитет, избранный для ведения матча, входили: Чигорин, Шифферс, Полнер, Бескровный и П. А. Сабуров. Однако, комитет существовал только номинально. Анализировал ходы и посылал их по теле-

графу единолично Чигорин. Интерес к матчу был огромный. Обе партии были доведены Чигориным до выигрышного положения, после чего Лондон прекратил ответы. Тогда Чигорин обратился к судье матча И. Колишу с уведомлением о несоблюдении Лондоном условий матча. После обращения Колиша в лондонский комитет последовало извещение, что Лондон сдает одну партию, а во второй предлагает ничью. Предложение было принято, но затем Чигорин выступил в прессе с подробным анализом, доказывающим, что черные (Лондон) должны были проиграть ³⁴⁵.

Организационное обслуживание этого матча было обеспечено Чигориным безукоризненно. В печати того времени мы встречаем такое описание:

„В помещении Общества вывешены в рамке, под стеклом, подробные условия матча, а рядом две шахматные доски со вставленными в них фигурами (как в дорожных шахматах) для обозначения положения партий. На особых листах, помещающихся тут же, записаны получаемые и отправляемые ходы, с обозначением времени отсылки и получения. Комитет, состоящий из пяти лиц, для обсуждения ответов собирался обыкновенно на другой день получения хода и, в случае сложности положения партий, решал их во второе заседание, но не позже 4-го дня со дня получения из Лондона“ ³⁴⁶.

Общество любителей шахматной игры, во главе которого стоял Чигорин, переживало в это время лучшую пору своей деятельности. С июля 1885 года возобновилось издание журнала: стал выходить под редакцией Чигорина „Шахматный Вестник“, который просуществовал по январь 1887 года. С большим умением Чигорин вел также большой шахматный отдел во „Всемирной Иллюстрации“, который перешел к нему после смерти Шумова. Он даже готовился издать свой собственный учебник, о чем уже анонсировалось в печати ³⁴⁷.

Известность Чигорина еще больше возросла после исторического матча Чигорин — Стейниц. О Стейнице некто Теодор Тильтон в очерке, посвященном *Café de la Régence*, писал, как бы предчувствуя его встречу с Чигориным: „Как долго, однако, надеется он держать скипетр в своих руках? Не более нескольких лет, так как он уже пережил свои молодые годы. Рано или поздно его имя появится в списке сошедших со сцены жизни, и, в виду этой возможности, в кафе уверяют, что

тогда первенство перейдет к Чигорину в Петербурге, который, как и вся русская нация, неудержимо стремится к первенству“³⁴⁸. Следует отметить, что *Café de la Régence* в этот период выражало общественное мнение наиболее авторитетных шахматных кругов.

С 1889 года наступает новый период в шахматной карьере Чигорина, когда талант его находит признание не только в оценке выдающихся европейских шахматистов, но и в заявлении самого чемпиона мира Стейница, что Чигорин — единственный из всех шахматистов, кто мог бы оспаривать у него мировое первенство. И этот выбор Стейница, получившего приглашение гаваннского шахматного клуба избрать себе достойного противника, не был случайным. С одной стороны, Стейниц в ряде матчей уже доказал свое превосходство над всеми выдающимися шахматистами, и Чигорин оставался единственным, с кем Стейниц еще не играл; с другой стороны, Стейниц, как он сам говорил, хотел на практике проверить „новую систему“, которую он создал и упорно защищал в течение более 20 лет. В дальнейшем мы приведем надлежащие высказывания, иллюстрирующие шахматные воззрения той и другой стороны, здесь же только отметим, что Чигорин, самый блестящий представитель „старой“ школы, мастер „непосредственной атаки“, мог быть единственным в этот период достойным противником Стейница. Шахматная пресса именно с этой точки зрения расценивала как первый матч Стейница с Чигориным, так и все позднейшие матчевые состязания между ними.

Петербургские шахматные круги, естественно взволнованные столь лестным выбором Стейница, разослали циркулярное письмо с просьбой способствовать осуществлению матча, так как речь шла о защите „национальной гордости“. Следует отметить, что качество партий предстоящего матча их интересовало, пожалуй, меньше всего. Приведем отрывок из этого письма, датированного 10 сентября 1888 года и подписанного членом правления Общества любителей шахматной игры Арнольдом:

„Пользуясь тем, что в начале будущего 1889 года предполагается устроить в Нью-Йорке большой международный шахматный турнир, Гаваннский шахматный клуб предложил г-ну Стейницу избрать одного из сильнейших игроков, которые приедут в Нью-Йорк для участия в турнире, пригласить его в Гаванну и сыграть с ним

серию партий (от 15 до 20); при чем клуб обеспечивает избранному лицу как проезд его из Нью-Йорка в Гаванну и обратно, так и полное содержание во все время матча. Выбор пал на М. И. Чигорина. Г-н Стейниц, уведомляя об этом, присовокупляет свое условие, чтобы предполагаемое состязание происходило до начала Нью-Йоркского турнира, т. е. не позже декабря нынешнего года, и чтобы сумма пари для матча была от 500 до 2000 долларов, т. е., следовательно, по нынешнему курсу не менее 1100 рублей.

„Г-н Чигорин не предполагал ехать в Америку на турнир; но предложение г-на Стейница так заманчиво и представляет столь много интереса, не только для самого нашего корифея, но и для всех нас—русских шахматистов, что, разумеется, о принятии этого вызова, как о вопросе нашей национальной гордости, стоит подумать и постараться, чтобы столь желаемое всеми состязание непременно состоялось.

„Так как ни сам Михаил Иванович, ни С.-Петербургское Общество любителей шахматной игры не имеют достаточно средств, необходимых как для покрытия расходов, сопряженных с поездкою в Америку, так и для требуемого пари, то ваш покорный слуга, уполномоченный Обществом организовать осуществление матча, обращается ко всем русским шахматистам, которые, как известно, относятся не индифферентно к национальной гордости, помочь в этом деле, во 1-х, личным участием в подписке на пари и, во 2-х, приглашением к участию других любителей“.

Деньги были собраны, и Чигорин на пароходе „Thingvalla“ отправился из Копенгагена в Нью-Йорк, куда прибыл 29 декабря 1888 года. В пути ему дважды пришлось выдержать сильные бури, и он приехал и начал матч больным. После проигрыша им 4-й и 5-й партий матчевый комитет, видя его болезненное состояние, предложил прервать матч на несколько дней, но Чигорин не согласился.

Матч, начатый в Гаванне 20 января 1889 года до 10 выигранных партий, окончился 24 февраля победой Стейница.

Движение матча

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	Итог
Стейниц:	0	1	0	1	1	0	0	1	1	1	0	1	0	1	1	1	1/2	10 1/2
Чигорин:	1	0	1	0	0	1	1	0	0	0	1	0	1	0	0	0	1/2	6 1/2

Из 17 партий Чигорин выиграл шесть, проиграл десять и одну свел в ничью. Судя по результатам первой половины матча (+4—4), Чигорин мог надеяться на более благоприятный исход, но выигрыш даже и шести партий у Стейница еще не удавался никому, кроме Андерсена (1866 г.). Нельзя также не отметить полное преимущество Чигорина в открытых партиях: гамбитом Эванса он выиграл четыре партии, проиграл три и одну свел в ничью; единственная игранная в матче испанская партия также кончилась блестящей победой Чигорина.

Шахматная пресса и общественность с большим вниманием следили за ходом матча. Мы не ошибемся, если скажем, что Чигорин стилем своей игры вызывал больше симпатий. В немецкой печати о нем писали, что он „стилем своей игры, своими живыми, блестящими и опасными комбинациями из всех современных шахматистов имеет наибольшее сходство с великим Морфи, и нередко, просматривая какую-нибудь партию русского мастера, выносишь впечатление, как будто этот последний прямо взял себе за образец гениального американца“³⁴⁹.

В прессе указывалось также на неблагоприятные климатические условия, в которые был поставлен Чигорин. В „Magdeburger Zeitung“, указывалось: „Итак, Стейниц выиграл, но надо было бы для уравнивания шансов, чтобы Стейниц, столь же мало привыкший к холодному петербургскому климату, как Чигорин—к жаркому тропическому, в ближайшую же зиму приехал в Петербург и там, не отдыхая несколько после путешествия, немедленно же дал Чигорину реванш“³⁵⁰.

Объективно оценивая ход матча, необходимо, однако, прийти к заключению, что Стейниц играл в целом сильнее Чигорина, и отдельные привходящие моменты не смогли бы изменить конечный результат.

Все же, принимая во внимание неблагоприятные условия матча, гаваннский клуб предложил немедленно организовать второй матч. Дело, однако, ограничилось тремя консультационными партиями (Стейниц и Гавилан против Чигорина и Понсе), которые закончились с результатом: +1—1=1.

По окончании матча Чигорин уехал в Нью-Йорк, где принял участие в международном турнире. Нью-Йоркский турнир, в котором участвовали Блекберн, Гунсберг,

Вейсс, Мэзон и другие первоклассные шахматисты, являлся серьезным испытанием для русского чемпиона; тем не менее, несмотря на такой состав и на естественное утомление, вызванное матчем со Стейнцем, Чигорин после почти двухмесячной упорной борьбы разделил с венским шахматистом Вейссом первый—второй призы. Матч из четырех партий между первыми призерами окончился в ничью. Накануне четвертой партии Чигорин отправил из Нью-Йорка в Петербург своему близкому знакомому П. И. Хомутову письмо, весьма характерное для настроения русского чемпиона. Датировано оно 12/24 мая 1889 года.

„Дорогой Петр Иванович! Вот и турнир окончился и не совсем удачно. Многого, скажешь, захотел; довольствуйся дележом с Вейссом 1-го и 2-го приза. Я и сам ничего более не желаю, ибо стремлюсь (и Вейсс стремится) поскорее сделать последнюю (4-ю) ничью и отправиться во-свояси. Еду в среду, 17/29 мая, на Бремен.

„В турнире я достаточно пижонил, один раз даже „сфокусничал“ и... проиграл с выигрышного положения. Ничья с Мэзеном (которую я не хотел оканчивать по причинам Вам уже известным) доставила бы мне первый приз. Ничью с Гунсбергом (последняя партия) тоже я проиграл. Из-за чего? Из-за различных историй и сплетень. Вот народец-то собрался. Чисто—странствующие „музыканты“ (понимаете какие?)—шахматисты. Как это мне еще удалось встать наравне с Вейссом. Придется еще порассказать Вам кое-что впоследствии. Теперь нет и времени.

„Первые две партии матча за 1-й и 2-й призы играл как следует, на выигрыш. Сделал ничьи (случайные),—3-ю—прямо на ничью и я и Вейсс. Почему, спросите Вы? Условия этого матча донельзя глупы. Скажу кратко. Победитель—выигравший 2 партии; первые 4 ничьи не считаются: но, далее гласит правило, если один игрок имеет 1 выигранную партию, то он может требовать окончания матча, если было 4 ничьих. То они, т. е. ничьи, не считаются, то в счет идут. Теперь вот и извольте рисковать дебютом (гамбитом). Проиграл и матч, и первый приз, и славу потерял. Какой же игрок, спрашивается, будет рисковать. Скажу еще: мы донельзя устали. Никакой охоты и ярости к игре. Д[енег] 250 р. (1/2 разницы 1-го и 2-го приза) на полу не подынешь.

Стейниц раньше настаивал, чтобы необходимо было выиграть две партии. Мудреца не послушались. Много глупостей понаделано было в этом турнире“³⁵¹.

Проигрыш Чигориным матча Стейницу не только не развенчал русского мастера, но, наоборот, его агрессивная и смелая игра обратила на себя общее внимание. В конце 1889 года Гаваннский шахматный клуб обратился к Чигорину с предложением сыграть в Гаванне матч с Гунсбергом, который, благодаря своим успехам в международных турнирах, выдвинулся в то время в число первоклассных шахматистов. Весьма вероятно, что Гаваннский клуб, устранивая именно этот матч, имел в виду появившиеся в английской шахматной прессе указания, что Гунсберг является более достойным противником Стейницу, чем Чигорин.

Матч этот вызвал не меньший интерес, чем матч Стейниц—Чигорин. По условию, победителем признавался тот, кто первый выиграет 10 партий. Матч начался 1 января 1890 года и закончился 20 февраля, после того как оба противника выиграли по 9 партий и 5 партий окончили в ничью. Гаваннский шахматный клуб предложил считать матч окончившимся в ничью, что и было принято Гунсбергом и Чигориным.

Движение матча

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	Итог
Гунсберг	0	0	1 1/2	1	0 1/2	1	1	1	0	1	0	1	0 1/2	0	1/2	0	1/2	0	1	0	1	11 1/2		
Чигорин	1	1	0 1/2	0	1 1/2	0	0	0	1	0	1	0	1/2	1	1/2	1	1/2	1	0	1	0	11 1/2		

Большинство европейских и американских шахматных журналов предсказывало победу Чигорину, и ничейный результат матча объясняло неосторожной и рискованной игрой Чигорина. „По нашему мнению,—читаем мы в немецком журнале,—Гунсберг достиг столь благоприятного результата из-за более счастливого, чем у его противника, темперамента и большей выдержки, в то время как Чигорин владеет большей шахматной силой. Если бы русский мастер во многих партиях не играл на выигрыш там, где всякий другой удовлетворился бы ничьей, то исход матча был бы иной“³⁵².

Сам Чигорин объяснял ничейный исход матча изнуряющей тропической жарой в Гаванне. „Играй я в Париже, Лондоне, Берлине, Петербурге, где холоднее,

только не в этом пекле, я непременно выиграл бы матч“³⁵³. Действительно, в совершенно выигранном положении он проиграл 9-ю партию, а также зря потерял по пол-очка в 5-й, 10-й, 14-й и 23-й партиях, которые легко мог бы свести в ничью.

Даже шовинистически настроенная английская пресса вынуждена была в конце концов более объективно оценить силу обоих противников. „Насколько можно судить по партиям, лежащим перед нами,—писал английский шахматист Гоффер в редактируемом им шахматном отделе журнала „The Field“,—надо смотреть на Чигорина, как на игрока более сильного в открытых партиях, на Гунсберга же — как на более сильного в закрытых партиях. Обе стороны вложили в состязание свои лучшие силы, результатом чего получилось несколько прекрасных и поучительных партий“³⁵⁴.

Большой триумф Чигорину принес состоявшийся вскоре его матч со Стейницем по телеграфу. В феврале 1890 года, во время своего кратковременного пребывания в Нью-Йорке, русский чемпион предложил Стейницу сыграть матч по телеграфу из двух партий, причем одна партия должна была начинаться гамбитом Эванса, а другая — дебютом двух коней.

Это предложение Чигорин мотивировал неудовлетворительностью ходов в гамбите Эванса и в дебюте двух коней, с настойчивостью предлагавшихся Стейницем в выпущенной им первой части его учебника „Modern Chess Instructor“ (1889 г.), а также в журнале „The International Chess Magazine“³⁵⁵. Предложение было принято, и 11 октября 1890 года матч начался³⁵⁶. Игрался он на ставку в 750 долларов. Обе партии матча, который продолжался по 16 апреля 1891 года, были в блестящем стиле выиграны Чигориным (партия, начатая дебютом двух коней, была сдана Стейницем еще 1 апреля).

Насколько уверен был Стейниц в своей победе, можно судить по следующей его заметке, появившейся до начала матча в журнале „The International Chess Magazine“ (июнь 1890 г.): „Нужно иметь в виду, что в обеих партиях у меня лишняя пешка, и, стало-быть, теоретически я должен выиграть обе. Конечно, Чигорин имеет на этот счет свое собственное мнение и, нужно полагать, рассчитывает на какую-либо скрытую атаку на королевском фланге; такая атака, согласно принципам игры, которым я следовал в теории и на

практике в течение 20 лет, однако, ни к чему не приводит; во всяком случае, я глубоко убежден, что должен по крайней мере выиграть одну партию и свести другую в ничью, т. е. выиграть матч; почему, в полной уверенности, что не разочарую своих сторонников, я приглашаю за меня подписаться“. Эта заметка уверенного в своей победе чемпиона мира вызвала со стороны Чигорина краткую, но выразительную реплику: „Так думает Стейниц“³⁵⁷.

Уже в течение матча Стейниц писал:

„Мой противник ведет атаку так же, как и в большинстве игранных со мною матчевых партий, т. е. как представитель старой школы. Он уверен в пользе надвигания пешек и даже жертвования одной или нескольких из них с целью поставить противника в затруднение на королевском фланге или запереть его фигуры. Я же утверждаю, что король есть сильная фигура, которая, в большинстве случаев, может сама себя защищать, и что Чигорину, при его способе атаки, придется в дело сильные фигуры, запирая ими слабейшие. Я полагаю также, что мои менее сильные фигуры будут вполне развиты, между тем как его далеко продвинутые пешки, не имея возможности отступить, послужат объектом моей будущей контр-атаки. Теперь я имею лишнюю пешку; я ее, вероятно, потеряю, как это было и в прежних партиях, но зато мое положение улучшится. Другими словами, если жертвование дает лучшее положение, то у меня для этой цели есть в запасе лишняя пешка“.

Эти высказывания Стейница были воспроизведены Чигориным в русской печати, причем в дополнение к ним Чигорин опубликовал следующее сообщение: „Не считая себя принадлежащим к какой бы то ни было „школе“, я в данных случаях руководился не отвлеченными теоретическими соображениями о сравнительной силе фигур и т. п., а единственно теми данными, какие мне представлялись в том или ином положении партии, которое служило предметом подробного и возможно точного анализа. Каждый мой ход являлся посильным выводом из ряда вариантов, при анализе которых теоретические „принципы игры“ могли иметь лишь весьма ограниченное значение“³⁵⁸.

По окончании матча Стейниц подчеркнул всеобщий интерес к этому необычайному состязанию и с исключи-

тельным благородством отдал должное убедительной победе Чигорина. „В летописях шахматной игры,—писал он,—ни одно состязание никогда не возбуждало такого всемирного интереса, как только что оконченный между мной и Чигориным матч“. Стейниц указывал, что „игра Чигорина от начала до конца была восхитительной“³⁵⁹.

После блестящей победы Чигорина над Стейницем в матче по телеграфу в шахматной прессе был поднят вопрос о новом матче между ними на мировое первенство. Организацию этого матча готово было взять на себя Петербургское шахматное общество, от имени которого 19 апреля 1891 года Стейницу была послана телеграмма с предложением играть матч в Петербурге с оплатой всех расходов и со ставкой по назначению Стейница. Но тот же матч проектировал устроить также Гаваннский шахматный клуб, и 20 апреля Чигориным из Нью-Йорка была получена встречная телеграмма следующего содержания: „Гаваннский шахматный клуб желает устроить ваш матч со Стейницем в декабре, до 10 выигранных партий, на 2000 долларов. Принимаете ли предложение?“. Чигорин дал принципиальное согласие, отсрочив окончательный ответ на 10 дней для выяснения возможности играть в Петербурге. Стейницу было предложено самому выбрать место встречи, на что 8 мая последовал ответ, что он выбирает Гаванну.

31 октября Чигорин уехал в Париж, а 9 ноября отправился из Парижа через Гавр в Нью-Йорк, куда прибыл 16 ноября.

Шансы Чигорина расценивались очень высоко. Казалось, Стейниц, с достоинством отстаивавший до сих пор звание чемпиона мира, в силу своего возраста едва ли сможет выдержать столь длительное состязание со своим более молодым противником. Недаром английский журнал писал по поводу матча: „Если Стейницу суждено пасть от руки Чигорина, то он не может пасть от руки более достойного противника“³⁶⁰.

Как и было условлено, матч играли в Гаванне. Победителем признавался тот, кто первый выиграет 10 партий; если у обоих противников будет по 9 выигранных партий, то играется новый решительный матч до трех выигранных партий, причем ничьи не считаются.

В первой половине матча преимущество было на стороне Чигорина (+5—3=4). Причем характерно, что эти 12 сыгранных партий распределялись по дебютам сле-

дующим образом: гамбит Эванса — 5 партий, дебют двух коней — 4 партии и испанская — 3 партии. А результаты этих дебютов были соответственно таковы: в гамбите Эванса Чигорин набрал $2\frac{1}{2}$ очка из 5 возможных, в дебюте двух коней — $3\frac{1}{2}$ из 4-х, а в испанской — всего 1 очко из трех (две ничьи). Стейниц прекрасно учел этот неблагоприятный для него результат, грозивший ему потерей мирового первенства. Поэтому в дальнейшем он отказался от дебютного экспериментирования и уже не давал Чигорину возможности играть дебютом двух коней, а, играя белыми, либо начинал партии ходом 1. e4, сводя их к испанской, либо выбирал дебют Цукерторта, который в двух партиях перешел в ферзевый гамбит и в одной — в голландскую. Это изменение тактики в выборе дебютов возымело свое действие, и из последовавших 10 партий Чигорин выиграл только три и лишь одну свел в ничью. Таким образом, как и в первом матче, в открытых партиях обнаружилось несомненное преимущество Чигорина; слабая сторона его игры заключалась в закрытых дебютах.

Совершенно особняком стоит последняя партия матча, игранная гамбитом коня, излюбленным дебютом Чигорина. Выигрышем этой партии Чигорин уравнивал бы результат (+9—9), после чего по условию предстоял матч до трех выигранных партий. Партия была доведена Чигориним до выигрышного положения, как вдруг он просмотрел мат в два хода.

Движение матча

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11		
Стейниц . . .	0	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	1	$\frac{1}{2}$	1	0	0	$\frac{1}{2}$	0	1		
Чигорин . . .	1	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	0	$\frac{1}{2}$	0	1	1	$\frac{1}{2}$	1	0		
	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	Итог
Стейниц . . .	0	1	1	0	1	0	1	0	$1\frac{1}{2}$	1	1		$12\frac{1}{2}$
Чигорин . . .	1	0	0	1	0	1	0	1	$\frac{1}{2}$	0	0		$10\frac{1}{2}$

Такой неожиданный и трагический конец матча нашел горячий отклик в шахматных кругах и в прессе. Американский шахматист А. Васкес очень живо передает настроение тысячной толпы, присутствовавшей при этой исторической партии: „Едва ли мы когда-нибудь сможем забыть этот волнующий момент. Более 1000 человек присутствовали при 23-й партии, все обсуждали блестя-

щую стратегию Чигорина; с минуты на минуту ожидали мы сдачи Стейница, предполагая, что белые, вместо сделанного ими непонятного хода, сыграют 32. Л: b7 или Ld7. Вдруг все приходит в движение: публика вскакивает с мест; русский мастер хватается за голову: без всякой надобности он необдуманно увел своего слона, который защищал его от мата.—Какая досада!—повторяли сотни голосов.—Какой печальный конец великолепного матча на мировое первенство!—Чигорин может справедливо гордиться, — заканчивает автор заметки, — никогда еще Стейниц не был так близок к поражению, как в этот раз“ ³⁶¹.

Во всей истории борьбы за первенство мира не было матча с таким нелепым концом. Только счастливая случайность, по собственному утверждению Стейница, дала ему возможность восторжествовать и на этот раз. Стейниц писал: „Друзья, „пиррова победа“, как выразился Тарраш о результате моего матча с Гунсбергом. В продолжение всего матча это был непрерывный бег взапуски, и победа колебалась почти до самого конца... Как бы то ни было, остается фактом, что я не могу бороться с русским мастером так же успешно, как боролся с другими великими мастерами, включая и Цукерторта“ ³⁶².

Почти вся шахматная пресса, отдавая должное победе Стейница, с сожалением отмечала поражение Чигорина, которого уже ожидали видеть чемпионом мира. Его изобретательная смелая игра находила ему много поклонников. „Чигорин побежден, — писали во французском журнале, — но, несмотря на это, он еще более возвысился в глазах истинных знатоков: его смелый стиль, постоянная атака привлекают к нему симпатии всех. Его глубокие комбинации понятны только после подробного анализа положения, неожиданные и красивые натиски придают столько прелести его партиям, что они с наслаждением всегда читаются и переигрываются. Партии этого матча несут на себе печать глубокой силы со стороны Чигорина, и нужна была такая гранитная стена, как Стейниц, чтобы ему потерпеть поражение. Слабая сторона игры Чигорина заключается в закрытых дебютах, которые мало согласуются со смелостью его стиля, так что его дальновидный противник сумел воспользоваться этим в конце матча, чтобы отнять у Чигорина победу“ ³⁶³.

Матч весьма подробно освещался в шахматной прессе, причем, как и предыдущие состязания между Стейницем и Чигориним, он рассматривался под углом зрения борьбы „новой“ и „старой“ школы. Еще о своем первом матче с Чигориним Стейниц писал как о борьбе между „старым мастером молодой школы и молодым мастером старой школы“. Как мы уже имели возможность убедиться выше (см. стр. 187), в матче по телеграфу Стейниц опять рассматривал Чигорина как представителя „старой“ школы, на что русский чемпион совершенно определенно указал, что не считает себя принадлежащим к какой бы то ни было „школе“.

Однако в шахматной прессе слишком заострялся вопрос о борьбе между „новой“ и „старой“ школами.

Вот что писал немецкий журнал в весьма обстоятельной статье, посвященной итогам матча: „Не часто случается в шахматных сражениях, чтобы состязались между собою лица, столь различные по темпераменту, характеру игры и школе, как эти двое. Темперамент англо-американца флегматичен и в своем холодном спокойствии кажется нечувствительным ко всякого рода аффектам, между тем как у русского живая и горячая натура, что мы можем констатировать на основании нашего ближайшего с ним знакомства. Отсюда и характер игры является у Стейница осторожным, рассчитанным более на защиту, чем на нападение. Чигорин же, напротив, знаменит своею блестящею, направляемой с большой силою и искусством, открытою игрою... Матч Стейниц—Чигорин может быть назван поэтому борьбою между старой и новой школами“³⁶⁴.

На самом деле принципиальные противоречия были не так велики, как они казались на первый взгляд. Чигорин выступал главным образом против догматизма „новой“ школы, а не против основных ее принципов. Прекрасной иллюстрацией для шахматного мировоззрения Чигорина является его взгляд на приемы комментирования партий: „Так называемая „новая школа“ шахматной игры — писал он, — с ее стремлением выработать общие принципы игры на основании отвлеченных рассуждений о сравнительной силе фигур и пр., вызвала и новые приемы комментирования партий. В прежнее время комментаторы (напр., Андерсен, Нейман, Цукерторт и др.) при обсуждении того или иного положения партии приводили варианты, доказывающие преимущество данного хода

перед другим, и вообще стремились разъяснить игру практически; в наше время являются комментаторы, для которых на первом плане стоит не анализ данного положения, а отвлеченные рассуждения о сравнительном достоинстве ходов, часто совсем независимо от положения партии. Такое направление усвоено новым редактором „Deutsche Schachzeitung“, г. Таррашем, который посвящает иногда одному какому-либо ходу целый столбец своих рассуждений”³⁶⁵.

А тот факт, что основные взгляды Стейница и Чигорина на развитие шахматной партии были не диаметрально противоположны, подтверждается следующим письмом русского мастера к чемпиону мира еще в 1891 г.: „Истинные поклонники шахмат должны быть благодарны вам за тот интерес, который вы постоянно возбуждаете вашими нововведениями и за ваше отвращение к шаблонной игре. Как вам известно, я не вполне разделяю вашу теорию и ваши принципы, что, однако, не мешает мне ценить их. Но вы несправедливы ко мне, когда приписываете мне односторонний взгляд на трактовку королевского фланга. В конце концов, вероятно, мы оба правы в наших взглядах на ведение игры. В некоторых из своих лучших партий вы тоже не отказывали себе в атаке королевского фланга”³⁶⁶.

Ответ Стейница также весьма показателен: „По поводу последней части письма я должен заметить, что многие критики, постоянно причисляющие Чигорина к старой школе, в большей степени ответственны за то, что его упрекают в односторонности, чем я“.

Выступая первоначально в печати против Чигорина, как идеолога „старой“ школы, Стейниц, однако, констатировал, что „тактика русского мастера показывает поворот его к новым идеям или по крайней мере, что современные принципы оказали влияние на его стиль“.

Приведем еще оценку шахматного творчества Чигорина, появившуюся на страницах английского журнала „British Chess Magazine“: „Чигорин по существу блестящий шахматист, смелый и отважный, однако этим качествам он редко позволяет превращаться в опрометчивость. Он обладает глубоким знанием игры и, принимая многие принципы так называемой „новой школы“, пророком которой является Стейниц, не допускает, чтобы эти принципы играли относительно его гения роль

оков. Он не педантичен, его концепции высоки, идеи великолепны, стиль правильный“³⁶⁷.

По окончании матча Чигорин пригласил Стейница приехать в Петербург, однако чемпион мира предложил сыграть две партии по телеграфу (опять гамбитом Эвакса и дебютом двух коней). В Петербурге уже началась подписка для организации этого интересного соревнования, но матч так и остался неосуществленным.

Весной 1893 года Чигорин сыграл небольшой матч в Москве с Соловцовым, считавшимся лучшим московским шахматистом, но не имевшим международной турнирной практики. Как и следовало ожидать, эта встреча кончилась полным поражением Соловцова, который из четырех партий не мог ни одной даже свести в ничью; по условию, матч игрался из пяти партий, но от пятой партии Соловцов отказался, тем самым признав полное превосходство противника³⁶⁸.

В этом же году Чигорин сыграл в ничью нашумевший в свое время матч с выдающимся немецким мастером Таррашем. Инициатива этого матча принадлежала Берлинскому шахматному обществу (первоначально матч предполагал устроить Гаваннский шахматный клуб, но Тарраш по своим профессиональным обязанностям не мог играть в установленное Гаванским клубом время). Переговоры были поручены Таррашу, который предложил играть в июне в Берлине. Чигорин на запрос Тарраша ответил согласием, но от имени Петербургского шахматного общества настаивал на встрече в Петербурге, в любое время с октября по март.

Осенью 1893 года матч состоялся в Петербурге. Начался он 23 сентября и после упорной борьбы закончился 2 ноября с результатом $+9-9=4$.

Движение матча

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Тарраш . .	1	0	0	1	1	1	0	0	1	1/2	1	1/2	1/2
Чигорин . .	0	1	1	0	0	0	1	1	0	1/2	0	1/2	1/2
	14	15	16	17	18	19	20	21	22	Итого:			
Тарраш . .	1	0	1/2	1	0	0	0	1	0	11			
Чигорин . .	0	1	1/2	0	1	1	1	0	1	11			

От решительных пяти партий, предложенных Московским шахматным кружком, Тарраш отказался.

Заграничная печать высказывала удивление по поводу подобного результата, так как была заранее почти уверена, что победителем выйдет Тарраш. Например, еще задолго до матча Стейниц решительно заявил, что победителем будет Тарраш, а немецкий шахматист К. Барделебен писал: „Результат матча, однаково благоприятный для обеих сторон, удивил многих шахматистов, так как все предполагали, что Тарраш, победитель в Бреславле, Манчестере и Дрездене, останется победителем и в этом матче. Сопоставляя результаты игры обоих противников, иначе и думать нельзя было. Чигорин только раз взял первый приз на международном турнире, разделив 1-е и 2-е места с Вейссом в Нью-Йорке в 1889 году, в то время как Тарраш три раза взял 1-й приз на больших турнирах“. Барделебен объяснял такой неожиданный исход тем, что Тарраш — турнирный боец, а не матчевый. Одно дело — турнирная борьба с возбуждающей сменой противников; другое — скучная матчевая игра с одним и тем же лицом.

Характеризуя игру Чигорина, Барделебен далее писал: „Русский чемпион любит в дебюте идти своими собственными путями и мало интересуется тем, что предписывают книги. Гораздо больше стремится он к тому, чтобы ошеломить противника новыми неожиданными ходами и ввести его в замешательство. Ради этого он идет на риск получить менее крепкое положение или потерпеть небольшой материальный урон. При этом он обращает главное внимание на то, чтобы получить атаку и ради этого идет на головоломные эксперименты, в особенности, если играет черными“³⁶⁹.

И сам Тарраш рассчитывал на победу, особенно после семнадцатой партии матча, когда он имел восемь выигранных партий против пяти проигранных при четырех ничьих. Во всяком случае в печати появилось сообщение Тарраша о том, что он твердо надеется выиграть матч³⁷⁰. Тем неожиданнее для него был ничейный результат; отсюда и его боязнь вовсе проиграть матч в решительных партиях.

Оценивая общие итоги матча, Шифферс писал: „Для Чигорина этот результат оказался очень благоприятным в виду того, что был момент, а именно, после 17-й партии матча, когда у него было только 5 партий против 8-ми. Ему удалось из последних пяти партий выиграть 4 и проиграть только одну. За исключением 16-й партии

(гамбит королевского коня) и 21-й (дебют ферзевых пешек) все остальные партии игрались двумя дебютами: все нечетные партии (Тарраш белые) были испанские партии (дебют Лопеца), а все четные (Чигорин белые) были французские партии с ходами 1. e2—e4 e7—e6 2. Фd1—e2... Этот матч дал много интересных партий, хотя и не обошлось без более или менее грубых ошибок с обеих сторон. Так, напр., Чигорин проиграл грубым просмотром 1-ю и 5-ю партии матча; прозевал ферзя в 11-й партии, имея уже совсем выигранную партию; он упустил 2 раза случай сделать ничью в 9-й партии и упустил случай выиграть 14-ю, после того как Тарраш, в свою очередь, упустил выигрыш. Ошибки Тарраша, вообще, не так очевидны. Он упустил выигрыш во 2-й партии и несколько раз не воспользовался атакой или лучшим положением, упуская, напр., возможность выиграть пешку (напр. в 13-й и 22-й). Пешечные концы партии он вообще играл слабее Чигорина, за исключением 4-й партии.

„Однообразие в дебютах Тарраш объяснял неимением времени изучить основательно все дебюты. Он высказывал мнение, что Чигорин в других дебютах (кроме испанского дебюта и французской партии) с ним может делать все, что захочет“³⁷¹.

Значение матча Тарраш—Чигорин в истории шахматного искусства не только в России, но и за границей, лучше всего иллюстрируется предисловием к сборнику партий матча³⁷². В этом предисловии указывается: „Со времени великого матча Стейниц — Цукерторт (1886 г.) ни один шахматный матч не вызывал такого интереса со стороны шахматного мира, как матч между признанным сильнейшим немецким игроком д-ром Таррашем и русским чемпионом М. Чигориным. Оба игрока имеют не только большую известность как практики и теоретики, но оба добились и значительных успехов в шахматах, и, кроме того, они еще не играли друг с другом ни одной партии. Нет поэтому ничего удивительного в том, что все с необычайным напряжением ожидали исхода матча и были уверены, что в нем будут показаны исключительные достижения“.

В 1894 году Чигорин принял участие в матче по телеграфу, начатом в апреле этого года между Петербургом и Парижем (см. стр. 119).

Многочисленные матчевые состязания, в которых выступал Чигорин с 1889 года, не дали ему возможности

участвовать в международных турнирах. Поэтому его выступление в Гэстингском турнире 1895 года представляло значительный интерес. По составу участников и по организации Гэстингский турнир был едва ли не самым выдающимся событием в истории шахматного искусства. В нем участвовали: Ласкер, Стейниц, Пильсбери, Тарраш, Гунсберг, Блекберн и другие первоклассные мастера. Чигорин получил второй приз (первый, неожиданно для всех, взял Пильсбери); он оказался, таким образом, впе-



М. И. ЧИГОРИН В ГЭСТИНГСЕ

реди нового чемпиона мира Ласкера, экс-чемпиона Стейница, а также Тарраша и Гунсберга (матчи с которыми сыграл вничью), причем выиграл у Пильсбери, Ласкера, Тарраша и Гунсберга, а Стейницу проиграл, имея выигранную партию. Вообще в этом турнире Чигорин играл с большим подъемом, и, как исключение, количество его промахов было не так велико. Однако весьма слабо проведенная им партия против Яновского лишила его первого приза, который он заслуживал, по мнению многих авторитетов, в том числе и Тарраша.

После Гэстингского турнира, в декабре — январе 1895—96 гг., в Петербурге состоялся знаменитый четы-

рехкруговой матч-турнир первоклассных мастеров — претендентов на мировое первенство. Как известно, на этом матч-турнире Чигорин потерпел решительную неудачу.

Случилось так, что именно здесь, в его родном городе, в столице России, был, таким образом, нанесен Чигорину удар, от которого он до конца своей шахматной карьеры уже не мог оправиться. Если многочисленные поклонники шахматного таланта Чигорина не могли утверждать, что он обязательно будет победителем в матч-турнире, то никто, конечно, не думал, что он займет последнее место.

Особенно чувствителен для Чигорина был проигрыш Ласкеру, против которого он не мог добиться ни одного выигрыша и только две партии свел в ничью. Несомненно, что это обстоятельство сыграло известную роль и в вопросе об осуществлении матча между Чигориным и Ласкером. Вера в силу Чигорина была подорвана.

Именно результат рокового петербургского турнира позволил шахматному миру усомниться в возможности успешной борьбы Чигорина с новым чемпионом мира. Обстоятельства складывались весьма неблагоприятно для Чигорина. На очереди стояли не только матч-реванш Стейница с Ласкером, но и матчи последнего с Таррашем, Пильсбери и др. Чигорин в этом списке не числился. И в виду этого, он, не играя больше в матчах, стал теперь участвовать почти в каждом международном турнире, так как не видел другой возможности для встреч с сильнейшими шахматистами.

После петербургского турнира Чигорин в том же году выступил в международном турнире в Нюрнберге, в котором приняли участие Ласкер, Стейниц, Пильсбери, а также Тарраш (который, как мы видели, не решился выступить в грандиозной борьбе чемпионов в Петербурге). Правда, нюрнбергский турнир не имел того принципиального значения, как петербургский, однако, торжество в нем Ласкера и неуспех Чигорина лишний раз подтвердили установившееся мнение о „закате“ русского мастера. Чигорин получил в этом турнире только „утешительный“ приз, разделив его с Шифферсом ($8\frac{1}{2}$ из 18, ниже Ласкера, Мароци, Пильсбери, Тарраша, Яновского, Стейница, Шлехтера и Вальбродта).

Неудача Чигорина в Нюрнберге толковалась шахматной прессой по-разному. В шахматной прессе стремились доказать, что Чигорин, будучи представителем

„старой школы“ Лабурдонне, Морфи и Андерсена, бес-силен что-либо предпринять против „образцовой шах-матной стратегии „новой школы“; что этим, в частности, объясняется и проигрыш Чигорина Ласкеру, Стейницу, Таррашу, Шлехтеру и другим представителям „новой школы“. К этому замечанию, дававшему слишком общую оценку причины новой неудачи Чигорина, следует при-соединить отзыв корреспондента варшавской газеты „Tygodnik Ilustrowany“, объяснявшего его неуспех упад-ком духа после поражения в петербургском турнире³⁷³.

Неудачное выступление Чигорина в нюрнбергском турнире было заглажено через два месяца его победой в будапештском турнире, в котором он добился первого приза (после матча со ставшим с ним наравне Харузеком, выигранного со счетом +3—1). Хотя в Будапеште не участвовали Ласкер и Стейниц, однако присутствие Тарраша, Пильсбери, Яновского и др. придавало значи-тельный интерес этому турниру. Забавно, что шахмат-ная печать снова начала трубить похвалы забытому фавориту. „Шахматный Журнал“, еще недавно совето-вавший Чигорину получить реванш от Стейница, прежде чем играть матч с Ласкером, писал: „М. И. Чигорин достиг, по нашему мнению, после Будапештского тур-нира апогея своей силы. Ему теперь следовало бы по-меряться с Ласкером. Предполагающийся большой меж-дународный турнир в Берлине в августе с. г. покажет, кому следует сразиться в матче для получения права на кандидатуру будущего соперника Ласкера“³⁷⁴. Однако, силы Чигорина явно ему изменили: в берлинском тур-нире он не только не получил первого приза, но и вовсе остался без приза, заняв лишь 10-е место при 20 участ-никах. Новый неуспех Чигорина уже не являлся случай-ным: было очевидно, что с каждым годом бороться ему становилось все труднее.

Нам нет надобности в дальнейшем подробно остано-вливаясь на всех выступлениях Чигорина в междуна-родных турнирах. Продолжался период его медленного угасания, лишь изредка прерываемого отдельными яркими вспышками. Испытываемые неудачи крайне болезненно отражались на его творчестве, и в последующих турни-рах лишь с трудом можно узнать прежнего Чигорина, хотя он всегда продолжал оставаться шахматистом боль-шой силы и опасным противником в самых сильных по составу международных турнирах.

Если Чигорин сыграл еще с некоторым успехом в Кельне (1898—II—IV призы) и относительно удачно в Монте-Карло (1901—III—IV), Ганновере (1902—VII), Кэمبرидж-Спрингсе (1904—VI), Бармене (1905—VII—VIII) и Нюрнберге (1906—V), то полное поражение постигло его в других турнирах. В Остенде (1905) он оказался на предпоследнем месте, в групповом турнире в Остенде (1906) он даже не попал во 2-й круг, а в турнире чемпионов (Остенде 1907) Чигорин был на последнем месте.

Наконец, в заключительном из числа международных турниров с его участием (Карлсбад, август—сентябрь 1907), Чигорин также оказался на одном из последних мест (16—18 при 21 участнике).

Особняком стоят выступления Чигорина в гамбитных состязаниях, где он имел довольно крупные успехи: первый приз в Вене в 1903 г. и выигрыш у Ласкера в Брайтоне (Англия) матча, который, по условиям, игрался гамбитом Райса и был выигран Чигориным со счетом $+2-1=3$; успех этот объясняется в значительной степени характером состязаний.

Но если успехи Чигорина в международных турнирах и потускнели, то у него на родине с ним попрежнему никто не мог конкурировать, хотя к этому времени в России выдвинулся ряд талантливых шахматистов.

В первых трех всероссийских турнирах Чигорин неукословно занимал первое место. Он принял также участие в IV всероссийском турнире, но вышел из него после инцидента с контролем времени (см. стр. 130). Тем не менее выигрышем матча у победителя турнира Сальве (1906; $+7-5=3$) Чигорин снова доказал, что он еще не собирается уступить без борьбы звания чемпиона России. В V всероссийском турнире Чигорин не смог принять участие по болезни.

Уже в 1905 году все чаще стали обнаруживаться серьезные симптомы болезни Чигорина. Из уст его старейшего друга, врача, стало известно, что диагнозом установлено начало сахарной болезни.

В Остенде в 1905 году Чигорин, очевидно, уже предчувствовал приближение неизбежного конца. В воспоминаниях его друга, артиста Григория Ге³⁷⁵, рассказывается о крайне болезненном состоянии Чигорина во время остендского турнира. Вызванный телеграммой Чигорина, Ге был поражен переменой его душевного состояния и внешнего облика; „... мы поворачиваем уже в темный

переулоч; на самом повороте, в последних лучах луны, оставшейся за выступом дома, Чигорин вдруг тихо произнес: „— Нет, уж мне не играть“. Это была единственная секунда полной откровенности Чигорина по самому жгучему для него вопросу, признание своей смерти“.

В Карлсбаде, где он участвовал в турнире, он пользовался советами врача-шахматиста Неймана, который следил за его лечением. Однако „карлсбадские воды“ не помогли, и Чигорин вернулся в Петербург (заехав предварительно в Люблин, где жила его семья) больным. „В ноябре, — рассказывает бывший издатель „Шахматного Журнала“ Макаров, — М. И. почти не выходил из своей комнаты, которую нанимал в Дмитровском переулочке и где оставался без всякого надзора и ухода. Поэтому я уговорил его лечь в клинику Елены Павловны, где он пробыл с месяц, с 23 ноября. Перед Рождеством М. И. затосковал и решил выписаться из клиники и поехать к жене и дочери в Люблин. Последние годы, с переводом на службу генерала Дубравина, ближайшего друга М. И., семья М. И. переселилась туда, так как дочь М. И. и дети Дубравина учились вместе в местной гимназии. (Чигорин и Дубравин были женаты на родных сестрах. — М. К.) Уже в клинике проф. Афанасьева положение М. И. было признано докторами безнадежным. Когда М. И. приехал в Люблин, то уже настолько плохо себя чувствовал, что никому не мог писать из Люблина“.

Из воспоминаний другого современника Чигорина, его близкого знакомого и почитателя Г. А. Гельбака, видно, что в бытность в Люблине (куда он приезжал навестить свою семью) он еще был в состоянии играть в шахматы; он дает для местных любителей сеансы, проводит серьезные партии против консультантов. Но в душе Чигорина нарастает трагедия. Оглядываясь на прошлое и явственно чувствуя усиление болезни, Чигорин все больше поддается настроениям подавленности и глубокого разочарования в своей жизни. „К чему вообще шахматы? — с горечью говорит он своим друзьям. — Если это удовольствие, то оно должно проходить как развлечение, после трудовых часов. Ведь нельзя же наполнять свою жизнь интересом к игре, изгнав все прочее. Посмотрите на иностранцев: тот — доктор, тот — профессор, тот — издатель и т. д. Работают и поигрывают. А я...“ ³⁷⁶

Болезнь Чигорина безжалостно делала свое дело. Признаки расстройства организма становились все яснее. „Дух больного подавлен до крайности. Больной уже не знает, что делать. Весь внешний мир ему кажется холодным, чуждым, не понимающим его внутренних страданий, сознание слегка затуманивается... Какое-то чувство не то досады, не то злобы на вся и на всех скывает в нем всякое желание что бы то ни было предпринимать. Доктора не перестают навещать больного. Но их бессилие слишком прозрачно. Так Чигорин мучится последние дни 1907 года“...

А с первых же дней 1908 года уже надвигается конец. Гудима (один из близких люблинских друзей Чигорина) и Анастасия Дмитриевна (жена Чигорина) не покидают больного. Он лежит в постели, слегка мечется и все бредит. Вдруг совершенно неожиданно, с каким-то неестественным смехом, он просит жену выйти из комнаты, а Гудиме торжественно заявляет, что сейчас „будет фантазировать“: охватывает его за шею, опрокидывается навзничь, широко открывает глаза, криво улыбается и с выражением недоумения на лице испускает последнее дыхание.

Умер Чигорин 12/25 января 1908 года. О последних минутах его жизни сохранился рассказ Гельбака, записанный со слов Гудимы³⁷⁷.

22 июня 1914 года останки Чигорина были перевезены из Люблина в Петербург, где погребены на кладбище Новодевичьего монастыря.

Наш очерк о величайшем русском шахматисте мы закончим словами Тарраша, которыми этот математик шахматной борьбы, уже после смерти Чигорина, восстанавливает перед нами его шахматный облик: „... Часто играл он с огромной силой. Случалось, что его ходы бывали плохи, но слабыми они не были никогда... у него не было и следа умения оценивать позицию: он только умел хорошо играть в шахматы, но не думать шахматно, и эта слабость была его величайшей силой. Благодаря ей никакая самокритика не сужала его уверенности в себе, и он обычно был убежден, что стоит хорошо и что партия должна быть выиграна... Нечто демоническое было в его игре, пламенная страсть, соединенная с упрямым самоутверждением...“³⁷⁸.
